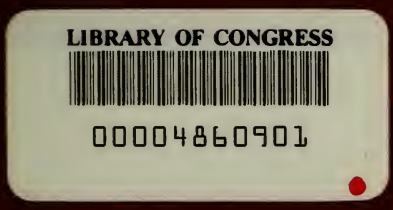
PG 3337
.K654 A6

1828



СТИХОТВОРЕНІЯ КОЗЛОВА.

Kozlov, Ivan Ivanovich, 1779-1840.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА КОЗЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

PG 3337
.K654 A6
1828

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 12 Октября, 1828 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

88-197275
P 34
10-28-88

I.

КЪ МОРЮ.

(А. С. Пушкину.)

Отрада есть во тмѣ лѣсовъ дремучихъ;
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ;
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ:
Мнѣ ближній милъ; но тамъ, въ моихъ мечтахъ,
Что я теперь, что былъ — позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милѣй: постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что таить нельзя.

Теки, шуми, о море голубое!
Несмѣтный флотъ ничто твоимъ волнамъ,
И человѣкъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ, уже страшится самъ;
Возстанешь ты — и горе кораблямъ,
И бичь земли, путь дерзкій означая
Бѣдой своей, какъ капля дождевая,
Идетъ на дно, гдѣ скрытъ его и слѣдъ —
И онъ не въ саванѣ, не въ гробѣ, не отпѣтъ.

Твои поля злодѣй не завоюетъ;
Твои стези не для его шаговъ;
Свободно ты: лишь бездна забушуетъ,
И тотъ пропалъ, кто бъ сушу былъ готовъ
Поработить. Его до облаковъ
Дрожащаго съ презрѣньемъ ты бросаешь,
И вдругъ рѣзвясь въ пучину погружаешь;
И вопитъ онъ, гдѣ пристань! о гранитъ
Его ударишь ты, и вѣкъ онъ тамъ лежитъ.

Бросающій погибель, и оковы,
Огонь, и смерть изъ челюсти своей,
Рушитель силъ, левіаѳанъ дубовый,
Гроза твердынь, народовъ и царей —
Игрушкою бунтующихъ зыбей.
И съ тѣмъ, кто въ немъ надменно въ бой летаетъ,
Кто, бренный самъ, владѣть тобой мечтаетъ,
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ.

Предѣлъ державъ, твой берегъ измѣнился:
Гдѣ Греція, и Римъ, и Карѳагенъ?
Свободный, онъ лишь волнъ твоихъ страшился;
Но, сильныхъ рабъ и жертва перемѣнъ,
Пришельцевъ здѣсь, тамъ дикихъ носитъ плѣнъ;
Его вездѣ неволя утомила,
И сколько царствъ въ пустыни изсушила!
Твоя лазурь, вѣковъ отбросивъ тѣнь,
Все тажъ—млада, чиста, какъ въ первобытный день.

Ты зеркаломъ Всесильному сіяешь;
Онъ зритъ въ тебѣ при буряхъ образъ Свой.
Струишься ль ты, бунтуешь, иль играешь,
Гдѣ твердый ледъ, и тамъ, гдѣ пылкій зной,
Ты, океанъ, чудесенъ красотой,
Таинственный, бездонный, безконечный!
Незримаго престолъ, какъ небо, вѣчный,
Временъ, пространствъ завѣтный властелинъ,
Течешь ты, страшный всѣмъ, глубокій и одинъ.

II.

РАЗОРЕНІЕ РИМА И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА.

(*А. И. Тургеневу.*)

Изъ мрачныхъ сѣверныхъ лѣсовъ,
Съ восточныхъ дальныхъ береговъ,
Сыны отваги и свободы,
Стремятся дикіе народы,
Съ двойной сѣкирою пѣшкомъ,
Въ звѣриной кожѣ съ булавами,
И на коняхъ съ копьемъ, съ стрѣлами,
И черепъ вражій за сѣдломъ:
Дошли; разсыпались удары,
Клубится дымъ, горятъ пожары,
Стонъ тяжкій битвы заглушалъ,
И Римъ, колоссъ державный, палъ;
Порочный палъ онъ, жертва мщенья,

И шумно вѣтры разнесли
Ужасный громъ его паденья
Въ концы испуганной земли.
Но туча грозная народовъ
Съ небеснымъ гнѣвомъ пронеслась,
И пыль отъ буйныхъ переходовъ
Въ поляхъ кровавыхъ улеглась.
Навѣки мертвое молчанье
Смѣнило вопли и стенанье.
Уже паденья страшный гулъ
Въ пустынѣ горестной уснулъ;
Въ туманѣ зарево не рдѣетъ,
И черный дымъ уже рѣдѣетъ;
Яснѣетъ мгла; съ печальныхъ мѣстъ
Въ дали сталъ видѣнъ свѣтлый Крестъ.
Другіе люди, вѣра, нравы,
Иной языкъ, права, уставы;
Чистѣйшій міръ, рожденный имъ,
Явился вдругъ чудесно съ нимъ;
И проповѣдники святые
На пепелища роковые
Пришли съ Евангельемъ въ рукахъ,
И межъ развалинъ на могилы
Возсѣли, полны тайной силы;

Горѣла истина въ очахъ;
Гласъ тихій, скорбныхъ утѣшитель,
Небесной воли возвѣститель,
Вселенной жизнь другую далъ:
Такъ ихъ Божественный учитель
По вѣрѣ мертвыхъ воскрешалъ.

III.

КЪ СВѢТЛАНѢ.

Какъ вводишь радость ты съ собой,
То сердце будто разсмѣется;
Въ немъ на привѣтный голосъ твой
Родное что-то отзовется;
Подвластна грудь моя тебѣ;
Ее ты услаждать умѣешь:
Но ты, Свѣтлана, обо мнѣ,
Ты слишкомъ много сожалѣешь.
То правда: жизнь отравлена,
Мое напрасно сердце билось,
Мнѣ рано отцвѣла весна,
И солнце въ полдень закатилось;
Хотя неумолимый рокъ
Обременилъ меня тоскою,
И мой безпарусный челнокъ
Разбитъ свирѣпою волною;

Хотя мнѣ мрачность суждена,
И мнѣ поля не зеленѣютъ,
Не серебритъ потокъ луна
И розы болѣ не алѣютъ:
Но что же дѣлать? Въ жизни сей
Я не совсѣмъ всего лишился,
И въ пламенной груди моей
Еще жаръ чувства сохранился.
Пускай печаль крушитъ меня,
И слезы часто проливаю;
Но, ахъ, не вовсе отжилъ я:
Еще люблю, еще мечтаю.
Моей жены, моихъ дѣтей
Душа умѣетъ дознаваться,
И мнѣ не надобно очей,
Чтобъ ими сердцемъ любоваться.
Когда жъ мысль черная найдетъ
И въ будущемъ меня стращаетъ,
Увы, что сердцу милыхъ ждетъ,
И что имъ рокъ приготовляетъ,
Какъ вспомню, что моихъ дѣтей
Судьба жестокая пустила
По грозной прихоти морей
Безъ кормчаго и безъ вѣприла,

Какъ за корабль безцѣнный мой
Невольно чувства замираютъ;
Туда я возношусь душой,
Откуда звѣзды намъ сіяютъ:
Да милосердый нашъ Отецъ
Вонметъ несчастнаго моленье,
И за терновый мой вѣнецъ
Невиннымъ дастъ благословенье.
И скоро исчезаетъ страхъ,
Молитва сердце согрѣваетъ;
И вдругъ на радужныхъ лучахъ
Надежда съ Вѣрою слетаетъ.
И ты, и ты, ночная тѣнь,
Разсѣешься, пройдутъ туманы,
И разцвѣтетъ мой ясный день,
День свѣтлый, какъ душа Свѣтланы:
И въ оный часъ, какъ у Него
Прощенья книга разогнется,
Быть можетъ, благостью Его,
Въ ней имя и мое найдется,
И я соединю въ одно
Все то, что столько сердцу мило,
Всѣ чувства вмѣстѣ, чѣмъ оно
Страдало, радовалось, жило.

Съ какою сладостью тогда
Мы насладимся счастьемъ вѣчнымъ,
И ты, Свѣтлана, навсегда
Тамъ будешь другомъ мнѣ сердечнымъ.

IV.

П. Ѳ. БАЛК—ПОЛЕВУ.

Lorsque je sens le rézéda, je crois d'abord entendre un son, puis il me semble voir une forme.

Другъ, ты правъ: хотя порой,
Достигая бѣдъ забвенья,
Мы, въ груди стѣснивъ волненья,
Дремлемъ томною душой;
Невзначай въ мечтѣ воздушной
Отзывъ прежняго слетитъ,
И предметъ намъ равнодушной
Память сердца воскреситъ.
Неожиданно, случайно
Потрясетъ душевной тайной
Лѣтній вечеръ, звукъ, цвѣтокъ,
Пѣсня, мѣсяцъ, ручеёкъ,
Вѣтеръ, море — и тоскою
Все опять отравлено;
Какъ бы молнійной струёю
Снова сердце прожжено.

И той тучи мы не знаемъ,
Вдругъ откуда грянулъ громъ;
Лишь томимся и страдаемъ;
Мракъ и ужасы кругомъ:
Призракъ страшный, неотступной
Образуетъ въ думѣ смутной
Холодъ дружбы, сонъ любви,
То, съ кѣмъ радость погребли,
Все, о чемъ мы тосковали,
Что любили, потеряли,
Чѣмъ былъ красенъ Божій свѣтъ,
Все, чего для насъ ужъ нѣтъ.

V.

НОЧЬ ВЪ ЗАМКѢ ЛАРЫ.

Настала ночь. Небесный сводъ въ звѣздахъ
Изображенъ въ серебряныхъ волнахъ;
Едва струясь, прозрачныя бѣгутъ,
И навсегда, какъ радость, утекутъ.
Безсмертные огни съ родныхъ высотъ
Красуются въ стеклѣ волшебныхъ водъ.
Приманчивъ видъ тѣнистыхъ береговъ,
И нѣтъ для пчелъ прелестнѣе цвѣтовъ:
Могла бъ въ вѣнкѣ Діана ихъ носить;
Могла бъ любви невинность подарить.
Межъ нихъ рѣки игривая струя
Бѣжитъ, блеститъ и вьется какъ змѣя.
Все такъ свѣтло, такая тишина:
Хоть Духъ явись — съ нимъ встрѣча не страшна.

Какъ быть вреду? Бродить не станетъ Злой
Въ такихъ садахъ, въ такой красѣ ночной.
Подобный часъ для добрыхъ сотворёнъ.
Такъ Лара мнилъ, и въ за́мокъ молча онъ
Идетъ скорѣй: ему прекрасный видъ
О прежнихъ дняхъ невольно говоритъ,
О той сторонѣ, гдѣ сводъ небесъ яснѣй,
Свѣтлѣй луна, ночь тихая милѣй,
О тѣхъ сердцахъ... Нѣтъ, нѣтъ: шуми надъ нимъ,
Бушуй гроза! Онъ дерзкой нещадимъ,
Душою твердъ; но, свѣтлая красой,
Такая ночь смѣется надъ душой.

Вступилъ онъ въ залъ весь полный тишины;
Тѣнь длинная мелькнула вдоль стѣны;
Портреты тамъ людей минувшихъ лѣтъ,
Доброты, злодѣйствъ; другихъ осташковъ нѣтъ;
Преданій дымъ и темный сводъ, гдѣ прахъ
Съ пороками, грѣхами спитъ въ гробахъ,
Полустолбцы, ведущіе до насъ
Изъ вѣка въ вѣкъ сомнительный разсказъ,
Укоръ, хвалу — вотъ все: и чѣмъ древнѣй
Тѣхъ хартій ложь, тѣмъ съ правдою сходнѣй.

**

Тамъ ходитъ онъ и смотритъ, а луна
Въ готическомъ отверстіи окна
Видна ему, и блескъ бѣжитъ струёй
На полъ изъ плитъ, на потолокъ съ рѣзьбой,
И образа на стеклахъ росписныхъ
Молящихся угодниковъ святыхъ
Въ таинственныхъ видѣніяхъ луной
Оживлены, но жизнью не земной.
Кудрей густыхъ цвѣтъ черный, мракъ чела
И зыбкій склонъ широкаго пера
Даютъ ему весь ужасъ мертвецовъ,
Все страшное, все тайное гробовъ.

Ужъ полночь бьетъ; лампада чуть горитъ;
Ей будто жаль, что тма при ней бѣжитъ.
Всѣ спятъ — но чу... у Лары слышенъ кликъ,
И звукъ, и стонъ, и вопль, и страшный крикъ;
Ужасный громкій крикъ — и смолкнулъ онъ...
Чей ярый вопль такъ дико рушитъ сонъ?
Вскочили всѣ, бодрятся, и дрожатъ,
И помощь дать на зовъ къ нему летятъ,
Кой-какъ мечи схватили второпяхъ,
И факелы не всѣ горятъ въ рукахъ.

Хладнѣе плитъ лежитъ онъ недвижимъ,
Блѣднѣй луны, играющей надъ нимъ,
И брошенъ мечь, почти ужъ не въ ножнахъ:
Сверхъ силъ людскихъ знать былъ сей дивный страхъ;
Но онъ былъ твердъ. Строптивый мрачный ликъ
Грызетъ вражда, хоть ужасъ въ грудь проникъ.
Лежитъ безъ чувствъ; но могутъ ли таить
Его уста желаніе убить:
Угроза въ нихъ съ роптаньемъ замерла,
Иль гордости отчаянной хула;
Полусмежась, глаза его хранятъ
Въ ихъ мутной тмѣ бойца суровый взглядъ,
И этотъ взглядъ, замѣтный часто въ нёмъ,
Оцѣпенѣлъ въ покоѣ роковомъ.
Очнулся — вотъ... онъ дышитъ, говоритъ;
Багровый цвѣтъ въ щекахъ темно горитъ;
Краснѣй уста; онъ взоръ кругомъ водилъ
И тусклъ, и дикъ, и съ дрожью приходилъ
Опять въ себя. Но онъ не на своёмъ
Заговорилъ нарѣчіи родномъ;
Звукъ словъ мудренъ: одно понять могли,
Что звуки тѣ — языкъ чужой земли.
И было такъ: но та, съ кѣмъ говоритъ...
Ахъ, нѣтъ ея — къ ней рѣчь не долетитъ!

Подходитъ пажъ; онъ странный смыслъ рѣчей
Какъ будто зналъ; но изъ его очей,
Изъ блѣдныхъ щекъ не трудно угадать,
Что тайну словъ одинъ не могъ сказать,
Другой открыть. Казалось, будто онъ
Тѣмъ, что сбылось, почти не удивлёнъ;
Склонясь къ нему, на языкѣ чужомъ
Онъ отвѣчалъ, быть можетъ, на своёмъ;
А тотъ внималъ, какъ нѣжно пажъ младой
Гналъ мракъ съ души, встревоженной мечтой.
Но былъ ли онъ грозой поверженъ въ страхъ!
Ему ль бѣда страшна въ однѣхъ мечтахъ!

Въ бреду ль онъ былъ, иль вправду что узрѣлъ,
Забылъ, иль нѣтъ: но тайну онъ умѣлъ
На сердце взять; и съ новою зарёй
Опять онъ бодръ и тѣломъ и душой;
Духовника не позвалъ, ни врачей,
Не измѣнилъ осанки и рѣчей;
Въ урочный часъ, какъ прежде, все пошло;
Не веселѣй, не пасмурнѣй чело;
Все тотъ же онъ; и если разлюбилъ
Ночную тѣнь, равно онъ утаилъ

То отъ рабовъ, которыхъ трепетъ, взглядъ
О дивѣ ихъ, о ужасѣ твердятъ;
Они съ тѣхъ поръ блѣднѣе и вдвоёмъ,
Минуя залъ, проходятъ черезъ домъ:
Зыбучій флагъ, ползвучный скрыпъ дверей,
Обоевъ шумъ, и вѣтра въ тмѣ ночей
Унывной вой, и мышь ли пролетитъ,
Густая ль тѣнь липъ темныхъ задрожитъ —
Все страшно имъ, когда печальной мглой
Вдоль дикихъ стѣнъ обляжетъ мракъ ночной.

VI.

КІЕВЪ.

О Кіевъ-градъ, гдѣ съ вѣрою святою
Зажглася жизнь въ краю у насъ родномъ,
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою главою
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,
Гдѣ стелются зеленой пеленою
Поля твои въ раздольи золотомъ,
И Днѣпръ-рѣка, подъ древними стѣнами,
Кипитъ, шумитъ пѣнистыми волнами!

Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,
О свѣтлый градъ, по сердцу мнѣ родной!
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ плѣняю
Священною твоею красотой!

У Лаврскихъ стѣнъ земное забываю
И надъ Днѣпромъ брожу во тмѣ ночной:
Въ очахъ моихъ все Руское прямое —
Прекрасное, великое, святое.

Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская сіяетъ;
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ;
Она душѣ вѣка напоминаетъ;
Небесные тамъ въ подземельѣ спятъ;
Надъ нею тѣнь Владиміра летаетъ;
Зубцы ея о славѣ говорятъ.
Смотрю ли въ даль — вездѣ мечта со мною,
И милою все дышитъ стариною.

Тамъ витязи сражались удалые,
Могучіе за родину въ поляхъ;
Красою здѣсь цвѣли княжны младые,
Стыдливыя въ высокихъ теремахъ,
И пѣлъ Баянъ имъ битвы роковыя,
И тайный жаръ таился въ ихъ сердцахъ.
Но полночь бьетъ, звукъ мѣди умираетъ;
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ.

Гдѣ жъ смѣлые, которые сражались,
Чей острый мечь, какъ молнія, сверкалъ?
Гдѣ та краса, которой всѣ плѣнялись,
Чей милый взглядъ свободу отнималъ?
Гдѣ тотъ пѣвецъ, чьимъ пѣньемъ восхищались?
Ахъ, вѣщій бой на все мнѣ отвѣчалъ!
И ты одинъ подъ башнями святыми
Шумишь, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

VII.

НА ПОГРЕБЕНІЕ

АНГЛІЙСКАГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
Когда мы вождя хоронили,
И трупъ не съ ружейнымъ прощальнымъ огнёмъ
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почесть въ ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила въ туманѣ луна,
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:
Обернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу,
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть можетъ, наутро внезапно явясь,
Врагъ дерзкій, надменности полный,
Тебя не уважитъ, товарищъ, а насъ
Умчатъ невозвратныя волны.

О, нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ
До храбраго дума печали!
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ
Родимыя руки постлали.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой,
И часъ наступилъ разлученья;
И съ валу ударилъ перунъ вѣстовой,
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляемъ тебя одного
Съ твоею безсмертною славой.

VIII.

ВЕНЕЦІЯНСКАЯ НОЧЬ.

Фантазія.

(П. А. Плетневу.)

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ;
И восходитъ паръ душистой
Отъ зеленыхъ береговъ.

Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ —

Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ;
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣеркомъ.

Чтоже, что не видно болѣ
Надъ игривою рѣкой
Въ свѣтлоубранной гондолѣ
Той красавицы младой,

Чья улыбка, образъ милый
Волновали всѣ сердца
И плѣняли духъ унылый
Изступленнаго Пѣвца?

Нѣтъ ея: она тоскою
Въ замокъ свой удалена;
Тамъ живетъ одна съ мечтою
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манитъ сребристый токъ,
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на Востокъ.

Но гуще тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ негѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ;
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Вотъ Прекрасная выходитъ
На чугунное крыльцо;
Мѣсяцъ блѣдно лучь наводитъ
На печальное лицо;
Въ русыхъ локонахъ небрежныхъ
Рисовался легкій станъ,
И на персяхъ бѣлоснѣжныхъ
Изумрудный талисманъ.

Ужъ въ гондолѣ одинокой
Къ той скалѣ она плыветъ,
Гдѣ подъ башнею высокой
Море бурное реветъ.
Тамъ Пѣвца воспоминанье
Въ сердцѣ пламенномъ живѣй;
Тамъ любви очарованье
Съ отголоскомъ прежнихъ дней.

И въ мечтахъ она внимала,
Какъ полночный вѣщій бой
Мѣдь гудящая сливала
Съ вѣчношумною волной.

Не мила ей прелесть ночи,
Душенъ свѣжій вѣтерокъ,
И задумчивыя очи
Смотрятъ томно на Востокъ.

Тучи тянутся грядою;
Затмевается луна;
Ясный сводъ одѣлся мглою;
Тма внезапная страшна.
Вдругъ гондола освѣтилась,
И звѣзда на высотѣ
По востоку покатилась
И пропала въ темнотѣ.

И во тмѣ съ востока вѣетъ
Тихогласный вѣтерокъ;
Факелъ дальный пламенѣетъ;
Мчится по морю челнокъ.
Въ немъ уныло, молодая,
Тѣнь знакомая сидитъ;
Подлѣ арфа золотая;
Мечь подъ факеломъ блеститъ.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкія мои:
Славной Тѣни не гнѣвите!...
О свободы и любви
Гдѣ же, гдѣ Пѣвецъ чудесный!
Иль его не сыщетъ взоръ?
Иль угасъ огонь небесный,
Какъ блестящій метеоръ?

IX.

ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ.

(Княгинѣ З. А. Волконской.)

То не кукушка въ рощѣ темной
Кукуетъ рано на зарѣ;
Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Одна на городской стѣнѣ:

«Я покину боръ сосновый;
Вдоль Дуная полечу,
И въ Каяль-рѣкѣ бобровый
Я рукавъ мой обмочу;
Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой;
Князю я обмою рану
На груди его младой.»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

« Вѣтеръ, вѣтеръ о могучій!
Буйный вѣтеръ, что шумишь?
Что ты въ небѣ черны тучи
И вздымаешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутилъ потокъ рѣки,
Вѣя Ханскими стрѣлами
На родимые полки? »

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

« Въ облакахъ ли тѣсно вѣять
Съ горъ крутыхъ чужой земли?
Если хочешь ты лелѣять
Въ синемъ морѣ корабли:
Чтоже страхомъ ты усѣялъ
Нашу долю? Для чего
По ковыль-травѣ развѣялъ
Радость сердца моего? »

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

«Днѣпръ мой славный, ты волнами
Скалы Половцевъ пробилъ;
Святославъ съ богатырями
По тебѣ свой бѣгъ стремилъ:
Не волнуй же, Днѣпръ широкій,
Быстрый токъ студеныхъ водъ;
Ими Князь мой черноокій
Въ Русь святую поплыветъ.»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

«О рѣка, отдай мнѣ друга;
На волнахъ его лелѣй,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорѣй;
Чтобъ я болѣ не видала
Вѣщихъ ужасовъ во снѣ;
Чтобъ я слезъ къ нему не слала
Синимъ моремъ на зарѣ.»

Въ Путивлѣ плачетъ Ярославна
Зарей на городской стѣнѣ:

« Солнце, солнце, ты сіяешь
Всѣмъ прекрасно и свѣтло!
Въ знойномъ полѣ что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки съ тетивами
Изсушила въ ихъ рукахъ,
И печаль колчанъ съ стрѣлами
Заложила на плечахъ. »

И тихо въ теремъ Ярославна
Уходитъ съ городской стѣны.

X.

ПРИ ГРОБНИЦѢ ЦЕЦИЛІИ М.

Гробница, я съ жилицею твоей
Какъ бы знакóмъ, и вѣетъ здѣсь надъ нами
Мелодія давно минувшихъ дней;
Но звукъ ея, какъ вой подъ облаками
Далекихъ бурь съ утихшими громами
Унылъ и святъ. На камень мшистый твой
Сажуся я. Мой духъ опять мечтами
Смущенъ, горитъ и снова предо мной
Весь ужасъ гибели, слѣдъ бури роковой.

Но чтожъ, когда бъ изъ выброшенныхъ прежде
И тлѣющихъ обломковъ корабля
Я маленькій челнокъ моей надеждѣ
И могъ собрать, и въ грозныя моря
Пуститься въ немъ, и слушать, какъ шумя
Волна тамъ бьетъ, судьба гдѣ погубила,
Что мило мнѣ — куда причалю я?
Исчезло все, чѣмъ родина манила:
Пріютъ, надежда, жизнь и тамъ, какъ здѣсь, могила.

X.

КЪ ИТАЛІИ.

(В. А. Жуковскому.)

Лети со мной къ Италіи прелестной,
Эѳирный другъ, фантазія моя!
Земля любви, гармоніи чудесной,
Гдѣ радостей веселая семья
Взлелѣяна улыбкою небесной,
Италія, Торквашова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима;
Но какъ ты мной, прекрасная, любима!

Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые лимонные лѣса,
Зеленый миртъ и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса.

Я вижу ихъ: и тихо льются слезы...
Италія, мила твоя краса,
Какъ первое любви младой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье.

Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя — надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,
Прозрачные — вкругъ горъ твоихъ кипятъ;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя — струятся и шумятъ;
Воздушный пиръ — твой вечеръ благодатной
Съ прохладою и нѣгой ароматной.

Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарёй;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,
Весь радужной подернутъ пеленой;
И яркій лучь сверкая разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной;
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною;
Заливъ горитъ, осеребренъ луною.

И я несусь волшебными крылами
Къ развѣнчанной царицѣ волнъ морскихъ:
Тамъ звукъ октавъ съ любовью и мечтами
При сладостномъ мерцаньи звѣздъ ночныхъ;
Тамъ Байронъ пѣлъ; тамъ бродитъ межъ гробами
Тѣнь грозная свободы дней былыхъ;
Тамъ, въ тишинѣ, какъ будто слышны стоны
Плѣнительной, невинной Десдемоны.

Но вдругъ печаль, Италія, стѣснила
Души восторгъ и свѣтлыя мечты:
Слезами ты и кровью искупила
Даръ пагубный чудесной красоты;
Она къ тебѣ рать буйную манила
Угрюмыхъ горъ съ туманной высоты.
И врагъ — твой бичъ, и гордый избавитель
Не мирный другъ—но хищный притѣснитель (*).

А ты прими отъ сердца завѣщанье,
Пѣвецъ, Орфей полуночной страны!
Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье
И нѣжный блескъ надъ Брентою луны,

(*) Наполеонъ.

И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье,
И юныхъ лѣтъ обманутые сны.
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и праху незабвенной,

Когда, въ пылу сердечныхъ упоеній,
Ты звонкихъ струнъ таинственной игрой
Сольешь, о другъ, рядъ сѣверныхъ видѣній
Съ небесною Италіи красой,
И, можетъ быть, въ толпѣ родныхъ явленій,
Промчусь и я, какъ призракъ, надъ тобой,
Скажи землѣ пѣвца Ерусалима,
Какъ мной была, прекрасная, любима!

XII.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ ПѢСНЯ.

Въ кипѣньи нѣжности сердечной
Ты *жизнью* друга назвала:
Привѣтъ безцѣнный, если бъ вѣчно
Живая молодость цвѣла.
Къ могилѣ все летитъ стрѣлою;
И ты, меня лаская вновь,
Зови не *жизнью*, но *душою*,
Безсмертной, какъ моя любовь.

XIII.

КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ.

Стансы на Кавказъ и Крымъ.

Мечтатель пламенный, любимецъ вдохновенья,
Звучитъ ли на горахъ волшебный лиры гласъ?
Хіоскаго Слѣпца внималъ ли пѣснопѣнья
Восторженный Кавказъ?

Ты зрѣлъ, съ какой красой власть чудныя природы
Громады дикихъ скалъ вѣнчаетъ яркимъ льдомъ,
Какъ благодатныя въ долинахъ хлещутъ воды
Кипучимъ серебромъ!

Тамъ въ синихъ небесахъ снѣга вершинъ сіяютъ;
Надъ безднами виситъ пурпурный виноградъ,
И тучи подъ тобой клубяся застилаютъ
Ревущій водопадъ.

Ты видишь, между скалъ какъ рыщетъ горный житель,
Черкесъ, отважный другъ свободы и коня,
Тамъ, гдѣ прикованъ былъ къ утесу похититель
Небеснаго огня!

Но долѣ роковой Титанъ не покорился;
Лишь громовержца онъ надменно укорялъ:
Страдальцу гордому разгнѣванный дивился,
И громъ въ рукѣ дрожалъ.

Иль, другъ, уже теперь въ обьятьяхъ тихой лѣни
Вечернею зарей ты смотришь на Салгиръ,
На сладострастныя Таврическія сѣни,
На радужный эеиръ.

Тамъ сѣверный Пѣвецъ въ садахъ Бахчисарая
Задумчиво бродилъ, мечтами окружёнъ;
Тамъ въ сумракѣ предъ нимъ мелькнула тѣнь младая:
И струнъ раздался звонъ.

Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумитъ во тмѣ полночной;
Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей:
Но сладостный фонтанъ и соловей восточной
Не слаще, не звучнѣй!...

Быть можетъ, давныхъ дней воспоминанья полный
И видя, какъ суда несутся по зыбямъ,
Ты думой тайною стремишься черезъ волны
Къ далекимъ берегамъ.

Чьи башни гордыя съ двурогими лунами
Къ лазурнымъ небесамъ такъ дерзко вознеслись,
Гдѣ плещетъ Геллеспонтъ, гдѣ дремлютъ надъ струями
И миртъ и кипарисъ?

Въ ихъ темной зелени на лонѣ водъ бѣлѣетъ
Гаремъ съ рѣшетками и кровлей золотой,
И нѣжный ароматъ отъ розъ огнистыхъ вѣетъ
Съ прохладою ночной.

Ахъ, ясный неба сводъ, и шумъ валовъ сребристыхъ,
И розы пышныя, и мирные лѣса,
И нѣга томная ночей твоихъ душистыхъ,
И дѣвъ твоихъ краса.

Ничто, прелестный край, ничто народъ суровый
Не въ силахъ укротить! Онъ съ каждымъ днемъ грозней
И мчатъ твоимъ сынамъ и гибель и оковы
Армады кораблей.

Но мечь, свободы мечь, блеснулъ ужаснымъ блескомъ;
Съ нимъ Богъ: ужъ онъ разитъ враговъ родной земли,
И, огненнымъ столбомъ взлетая къ небу съ трескомъ,
Пылаютъ корабли.

Ихъ пламень освѣтилъ пучину роковую,
И рдѣетъ зарево во мракѣ черныхъ тучь,
И вѣщаго Пѣвца на урну гробовую
Упалъ багровый лучь...

XIV.

СТАНСЫ.

Прости, ужъ полночь; надъ луною,
Ты видишь, облако летитъ;
Оно туманной пеленою
Сіянье нѣжное мрачитъ.

Я мчуся вдаль; мой парусъ вѣетъ;
Шумитъ разлучница волна;
Едва ли прежде прояснѣетъ
На сводѣ пасмурномъ луна...

Твой цвѣтъ и радостный и нѣжный
Моей любовью опалёнъ;
Свободна ты — мой жаръ мятежный
Забудь скорѣй, какъ страшный сонъ.

Не увлекись молвою шумной!
Убило свѣтлыя мечты
Не то, что я любилъ безумно,
Но что не такъ любила ты.

Прости, не плачь! Уже рѣдѣетъ
Туманъ предъ ясною луной;
Взыграло море, парусъ вѣетъ —
И я въ челнокъ бросаюсь мой.

XV.

КЪ РАДОСТИ.

О радость, радость, что же ты
Намъ скоро измѣняешь,
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою!

Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье!

Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу ни тѣснится;
Его бывалой красотой
Душа не оживится.

Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая;
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.

Такъ мѣсяцъ свѣтитъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ,
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ:

Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

XVI.

Не на землѣ ты обитаешь,
Любовь, незримый серафимъ;
Но вѣрой мы къ тебѣ горимъ:
И чье ты сердце сокрушаешь
Огнемъ томительнымъ страстей,
Тотъ вѣры мученикъ твоей.
Но кто ты, что ты? Наше зрѣнье
Къ тебѣ никакъ не долетитъ.
Тебя, любовь, воображенье
По тайной прихоти творитъ.
Такъ небеса мечтой любимой
Оно умѣетъ населять,
И думамъ образы давать,
И пылъ души неутолимой,
Усталой, сжатой и крушимой
Въ ея порывахъ услаждать.

XVII.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Мнѣ говорятъ: «она поетъ —
«И радость тихо въ душу льется,
«Раздумье томное найдетъ,
«Въ мечтаньи сладкомъ сердце бьется.

«И тихо, мило на земли,
«Когда поетъ она — милѣе,
«И пламеннѣй огонь любви,
«И все прекрасное святѣе!»

А я, я слезъ не проливалъ,
Волшебнымъ голосомъ плѣненный;
Я только помню, что видалъ
Пѣвицы образъ несравненный.

О, помню я, какимъ огнемъ
Сіяли очи голубыя!
Какъ на челѣ ея младомъ
Вилися кудри золотыя!

И помню звукъ ея рѣчей,
Какъ помнятъ чувство дорогое:
Онъ слышится въ душѣ моей;
Въ немъ было что-то неземное.

Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучитъ о Пери молодой
Долины свѣтлой Кашемира:

Звѣзда любви надъ ней горитъ,
И — станъ обхваченъ пеленою —
Она эѳирная летитъ,
Чуть озаренная луною;

Изъ лилій съ розами вѣнокъ
Небрежно волосы вѣнчаетъ,
И локоны ея взвѣваетъ
Душистой ночи вѣшерокъ.

XVIII.

СОНЪ НЕВѢСТЫ.

Баллада.

Вѣтеръ выл, гроза ревѣла,
Мѣсяцъ крылся въ облакахъ,
И рѣка, клубясь, шумѣла
Въ омраченныхъ берегахъ.
И, встревоженна тоскою,
Эвелина слезы льетъ:
« Ахъ, теперь грозой ночною
« Милый по морю плыветъ! »

Долго бѣдная молилась
Предъ иконою святой,
Робкой думою носилась
Надъ пучиною морской.

Бьетъ на башнѣ часъ полночи,
И внезапно тайный сонъ
Ей смежилъ печальны очи,
И замолкъ тяжелый стонъ.

Спитъ она — но духъ унылой
И во снѣ тревожитъ страхъ:
Все корабль ей снится милой
На бунтующихъ волнахъ;
И, казалось, что летаетъ
Тѣнь знакомая надъ ней,
И какъ будто бы вѣщаетъ:
«О, невѣста, слезъ не лей!»

Голосъ друга незабвенный...
Сердце вѣрное дрожитъ;
Смотритъ тихо: обрученный
Передъ ней женихъ стоитъ;
Въ ликѣ блѣдность гробовая,
Мутенъ блескъ его очей,
И бѣжитъ струя морская
Изъ развившихся кудрей.

« О, невѣста, въ край родимой
« Я летѣлъ къ тебѣ съ мечтой
« И безцѣнной и любимой,
« И съ пылающей душой;
« Но взревѣла надо мною
« Смертоносная волна:
« Съ нашей радостью земною
« Ты навѣкъ разлучена!

« Другъ, страданье пронесется,
« Грозный мракъ не навсегда,
« И надъ бездною зажжется
« Лучезарная звѣзда!
« О, не сѣтуй, что прекрасной
« Жизни цвѣтъ увялъ въ слезахъ:
« Мы любили не напрасно;
« Будемъ вмѣстѣ въ небесахъ!

« Но — прости... уже алѣетъ
« Вамъ румяная заря,
« Вѣшерокъ ужъ ранній вѣетъ,
« Вѣетъ онъ не для меня! »

И со вздохомъ улетаетъ
Тѣнь младая отъ очей,
И съ высотъ ей повторяетъ:
«О, невѣста, слезъ не лей!»

XIX.

РАЗБОЙНИКЪ.

Баллада.

(А. А. Воейковой.)

Мила Брайнгельскихъ тѣнь лѣсовъ;
Милъ свѣтлый токъ рѣки;
И въ полѣ много здѣсь цвѣтовъ
Прекраснымъ на вѣнки.

Туманный долъ сребритъ луна;
Меня конь борзый мчитъ:
Въ Дальгонской башнѣ у окна
Прекрасная сидитъ.

Она поетъ: «Брайнгельскихъ водъ
Мнѣ милъ привѣтный шумъ;
Тамъ пышно лугъ весной цвѣтётъ;
Тамъ рощи полны думъ.

Хочу любить я въ тишинѣ,
Не царскій санъ носить;
Тамъ на рѣкѣ милѣе мнѣ
Въ лѣсу съ Эдвиномъ жить.»

Когда ты, дѣвица-краса,
Покинувъ замокъ свой,
Готова въ темные лѣса
Бѣжать одна со мной:

Ты прежде, радость, угадай,
Какъ мы въ лѣсахъ живемъ;
Каковъ, узнай, тотъ дикій край,
Гдѣ мы любовь найдемъ!

Она поетъ: «Брайнгельскихъ водъ
Мнѣ милъ привѣтный шумъ;
Тамъ пышно лугъ весной цвѣтётъ
Тамъ рощи полны думъ.

Хочу любить я въ тишинѣ,
Не царскій санъ носить;
Тамъ на рѣкѣ милѣе мнѣ
Въ лѣсу съ Эдвиномъ жить.

Я вижу борзаго коня
Подъ смѣлымъ ѣздокомъ:
Ты царскій ловчій; у тебя
Рогъ звонкій за сѣдломъ.»

Нѣтъ, прелесть! Ловчій въ рогъ трубитъ
Румяною зарёй;
А мой рожокъ бѣду звучитъ,
И то во тмѣ ночной.

**

Она поетъ: « Брайнгельскихъ водъ
Мнѣ милъ привѣтный шумъ;
Тамъ пышно лугъ весной цвѣтётъ;
Тамъ полны рощи думъ.

Хочу въ привольной тишинѣ
Тебя, мой другъ, любить;
Тамъ на рѣкѣ отрадно мнѣ
Въ лѣсу съ Эдвиномъ жить.

Я вижу: путникъ молодой,
Ты съ саблей и ружьёмъ;
Быть можетъ, ты драгунъ лихой
И скачешь за полкомъ. »

Нѣтъ, громъ литавръ и трубный гласъ
Къ чему среди степей?
Украдкой мы въ полночный часъ
Садимся на коней.

Привѣтенъ шумъ Брайнгельскихъ водъ
Въ зеленыхъ берегахъ;
И милъ въ нихъ мѣсяца восходъ;
Душистый лугъ въ цвѣтахъ.

Но врядъ прекрасной не тужить,
Когда придется ей
Въ глуши лѣсной безвѣстно жить
Подругою моей!

Тамъ чудно, чудно я живу;
Такъ видно рокъ велѣлъ;
И смертью чудной я умру,
И мраченъ мой удѣлъ.

Не страшенъ такъ Лукавый самъ,
Когда предъ чернымъ днемъ
Онъ бродитъ въ полѣ по ночамъ
Съ блестящимъ фонаремъ.

И мы въ разъѣздахъ удалыхъ,
Друзья невѣрной тмы,
Уже не помнимъ дней былыхъ
Невинной тишины.

Мила Брайнгельскихъ тѣнь лѣсовъ;
Милъ свѣтлый токъ рѣки;
И много здѣсь въ лугахъ цвѣтовъ
Прекраснымъ на вѣнки.

XX.

НОЧНОЙ ѢЗДОКЪ.

Баллада.

« О конь мой борзый, ночь темна,
« Холодный вѣтеръ въ полѣ вѣетъ,
« Горитъ кровавая луна,
« Сосновый боръ кругомъ чернѣетъ!

« Не знаю самъ, но тайный страхъ
« Ужъ третью ночь меня смущаетъ,
« Невольно слезы на очахъ,
« Невольно сердце замираетъ.

« Могу ль забыть: въ послѣдній разъ
« Едва со мной она простилась,
« Какъ въ бѣломъ тѣнь прошла межъ насъ,
« Звѣзда полночная скатилась.

« Скачи, мой конь, лети скорѣй!
« О, если къ милой я домчуся;
« Тогда, клянусь, тогда я съ ней
« На мигъ одинъ не разлучуся! »

И конь, какъ изъ лука стрѣла,
Летитъ, летитъ: вдали кладбище;
И тайна свято облегла
Мятежной жизни пепелище.

Въ кустахъ мерцаетъ блескъ огня,
Несется тихо звукъ унылый,
И путникъ бросился съ коня...
Надъ свѣжею ея могилой.

XXI.

СОНЕТЪ СВЯТОЙ ТЕРЕЗЫ.

Любовью духъ кипитъ къ Тебѣ, Спаситель мой,
Не радостныхъ небесъ желаньемъ увлеченный,
Не ада мрачнаго огнями устрашенный,
И не за бездны благъ, мнѣ данныя Тобой.

Въ Тебѣ люблю Тебя; съ любовію святой
Гляжу, какъ на крестѣ Сынъ Божій, утомленный,
Виситъ измученный, виситъ окровавленный;
Какъ тяжко умиралъ предъ буйною толпой!

И жаръ таинственный мнѣ въ сердце проникаетъ:
Безъ рая свѣтлаго плѣнилъ бы Ты меня;
Ты бъ страхомъ былъ моимъ безъ вѣчнаго огня!

Подобную любовь какая цѣль раждаетъ?
Душа въ любви къ Тебѣ надеждъ святыхъ полна;
Но также и безъ нихъ любила бы она.

XX.

ДОБРАЯ НОЧЬ.

« Прости, прости, мой край родной:
Ужъ скрылся ты въ волнахъ!
Косатка вьется, вѣтръ ночной
Играетъ въ парусахъ.
Ужъ тонутъ огненны лучи
Въ бездонной синевѣ...
Мой край родной, прости, прости:
Ночь добрая тебѣ!

« Проснется день; его краса
Утѣшитъ Божій свѣтъ:
Увижу море, небеса,
А родины ужъ нѣтъ.

Отцовскій домъ покинулъ я;
Травой онъ заростетъ;
Собака вѣрная моя
Выть станетъ у воротъ.

Ко мнѣ, ко мнѣ, мой пажъ младой!
Но ты дрожишь какъ листъ:
Иль страшенъ ревъ волны морской?
Иль вѣтра буйный свистъ?
Не плачь; корабль мой новъ; плыву
Ужъ я не въ первый разъ;
И быстрый соколъ на лету
Не перегонитъ насъ.»

— Не буйный вѣтръ страшитъ меня,
Не шумъ угрюмыхъ волнъ;
Но не дивись, сиръ Чальдъ, что я
Тоски сердечной полнъ:
Прощаться грустно было мнѣ
Съ родимою, съ отцомъ;
Теперь надежда вся въ тебѣ
И въ другѣ... неземномъ.

— Не скрылъ отецъ тоски своей,
Какъ сталъ благословлять;
Но доля матери моей
День плакать, ночь не спать. —
« Ты правъ, ты правъ, мой пажъ младой!
Какъ смѣть винить тебя?
Съ твоей невинной простотой,
Ахъ, плакалъ бы и я!

« Но вотъ и кормщикъ мой сидитъ
Весь полонъ черныхъ думъ:
Иль буйный вѣтръ тебя страшитъ?
Иль моря грозный шумъ? »
— Сиръ Чальдъ, не робокъ я душой,
Не умереть боюсь:
Но я съ дѣтьми, но я съ женой
Впервые разстаюсь!

— Проснутся завтра, на зарѣ,
И дѣти и жена,
Малютки спросятъ обо мнѣ,
И всплачется она! —

« Ты правъ, ты правъ: и какъ пѣнять,
Мой добрый удалецъ;
Тебѣ нельзя не горевать:
И мужъ ты и отецъ!

« Но я... Ахъ, трудно вѣрить мнѣ
Слезамъ прелестныхъ глазъ!
Любовью новою онѣ
Осушатся безъ насъ!
Лишь тѣмъ однимъ терзаюсь я,
Не въ силахъ то забыть,
Что нѣтъ на свѣтѣ у меня,
О комъ бы потужить!

« И вотъ на темныхъ я волнахъ
Одинъ, одинъ съ тоской...
И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ
Теперь въ странѣ родной!
Что жъ рваться мнѣ, жалѣть кого?
Я сердцемъ опустѣлъ,
И безъ надеждъ, и безъ всего,
Что помнить я хотѣлъ.

« О мой корабль, съ тобой я радъ
Носиться по волнамъ;
Лишь не плыви со мной назадъ
Къ родимымъ берегамъ!
Далеко на скалахъ, въ степи
Пріютъ сыщу себѣ:
А ты, о родина, прости;
Ночь добрая тебѣ! »

XXIII.

СОНЪ РАТНИКА.

Подкопы взорваны, и башни вѣковыя
Съ ихъ дерзкою луной погибель облегла;
Пресѣкла въ ужасѣ удары боевые
Осенней ночи мгла.

И въ полѣ тишина межъ Русскими полками;
У ружій сомкнутыхъ дымилися костры,
Во тмѣ бросая блескъ багровыми струями
На бѣлые шатры.

Въ раздумьи я смотрѣлъ на пламень красноватой;
Мнѣ раненыхъ въ дали былъ слышенъ тяжкій стонъ:
Но, битвой утомясь, подъ буркою косматой
Уснулъ, и вижу сонъ.

Мнѣ снилось, что, простясь съ военною тревогой,
Отъ тѣхъ кровавыхъ мѣстъ, гдѣ буйство протекло,
Поспѣшно я иду знакомою дорогой
Въ родимое село.

Мнѣ церковь сельская видна съ горы высокой
И Клязьмы свѣтлый токъ въ тѣни ракитъ густыхъ,
И слышу пѣснь жнецовъ, и въ стадѣ лай далекой
Собакъ сторожевыхъ.

Я къ хижинѣ сходилъ холмовъ съ крутаго ската,
Разлуки тайный страхъ надеждой веселя,
И дряхлой мой отецъ, тотчасъ узнавъ солдата,
Вскочилъ безъ костыля.

Въ слезахъ моя жена мнѣ кинулась на шею,
Мила, какъ въ день вѣнца, и сердцу и очамъ;
Малютки рѣзвыя бѣгутъ ко мнѣ за нею;
Сосѣдъ пришелъ къ друзьямъ.

«Клянусь, я говорилъ, склоненъ на то родными,
«Теперь я къ вамъ пришелъ на долгое житье:
И дѣти обвили цвѣтками полевыми
И штыкъ мой и ружье.

Я милыхъ обнималъ... но пушка вѣстовая
Сонъ тихій прервала, и въ сѣчу мнѣ летѣть;
И къ Варнѣ понеслась дружина удалая...
Иль тамъ мнѣ умереть!

XXIV.

КЪ КНЯГИНѢ М. А. ГОЛИЦЫНОЙ.

Ты видала, какъ играетъ
Солнце раннею порой,
И лилея разцвѣтаетъ,
Окропленная росой.

Ты слыхала, какъ весною
Соловей въ ночи поетъ;
Какъ съ безцѣнною тоскою
Онъ раздумье въ душу льетъ.

Подъ черемухой душистой,
Часто взоръ плѣнялся твой
Блескомъ радуги огнистой
Надъ прозрачною рѣкой.

Такъ твое воспоминанье,
Твой плѣнительной привѣтъ
Для сердецъ очарованье
И прекраснаго завѣтъ.

Но съ увядшею душою,
Между радостныхъ друзей,
Какъ предстану предъ тобою
Съ лирой томною моей?

Хоть порой съ мечтами младость
И блеститъ въ моихъ очахъ,
И поется мною радость
На задумчивыхъ струнахъ:

Въ полѣ такъ цвѣшокъ мелькаетъ
Вмѣстѣ съ скошенной травой;
Такъ свѣтъ лунный озаряетъ
Хладный камень гробовой.

Лишь желать, молить я смѣю:
Да надеждъ прелестныхъ рой
Вьется вѣчно надъ твоею
Свѣтло-русой головой.

Въ свѣтѣ гостья молодая
Жизнью весело играй;
Бурямъ издали внимая,
Обо мнѣ воспоминай!

XXV.

КНЯЖНѢ С. Д. РАДЗИВИЛЬ.

Твоя безоблачная младость
Цвѣтетъ плѣнительной красой;
Ты улыбаешься какъ радость,
Ясна и взоромъ и душой.

Рукой ли бѣлой и послушной
По звонкимъ струнамъ пробѣжишь,
Иль стройно въ рѣзвости воздушной
Кружишься, вьешься и летишь:

Ты радугой горишь предъ нами;
Она такъ блещетъ лѣтнимъ днёмъ
И разноцвѣтными огнями
Играетъ въ небѣ голубомъ.

Но въ тѣ часы, какъ ты снимаешь
Вѣнокъ изъ розовыхъ цвѣтовъ,
И съ милой томностью внимаешь
Мечтамъ задумчивыхъ пѣвцовъ;

Какъ ты младенческой душою,
Участница въ чужихъ бѣдахъ,
Грустишь невинною тоскою,
И слезы ангела въ очахъ...

О, такъ въ саду росою чистой
Лилея нѣжная блеститъ,
Когда луна цвѣтокъ душистой
Сіяньемъ томнымъ серебритъ!

XXVI.

ЯВЛЕНІЕ КЛОРИНДЫ ТАНКРЕДУ.

Объ ней зарёй и вечеромъ объ ней
Крушится онъ и плачетъ и стенаетъ:
Такъ въ темну ночь тоскуя соловей,
Когда ловецъ жестокой похищаетъ
Его еще невскормленныхъ дѣтей,
Поетъ и боръ печально оглашаетъ.
Въ томленьи силъ невольно легкимъ сномъ
Забылся онъ передъ румянымъ днёмъ.

И та, о комъ душа въ тоскѣ мечтала,
Чело въ звѣздахъ, подъ свѣтлой пеленой,
Въ чудесномъ снѣ очамъ его предстала,
Блистательна божественной красой,

Но и въ красѣ небесной сохраняла
Знакомой видъ любви его земной.
« О милый другъ, взгляни, какъ я прекрасна,
« Какъ весела: твоя печаль напрасна!

« Ты далъ мнѣ все: нетлѣннымъ ты вѣнцомъ
« Меня вѣнчалъ — а мечь обманутъ тмою.
« Что бренный міръ! Ужъ я передъ Творцомъ;
« Я въ хорѣ дѣвъ, безсмертною, святою,
« Живу, люблю, молюся объ одномъ,
« И жду тебя... и вѣчный предъ тобою
« Возблещетъ свѣтъ — и взоръ плѣнится твой
« Красой небесъ, и въ нихъ моей красой.

« Стремися къ намъ душею неизмѣнной;
« Волненьямъ чувствъ упорствуй и живи!
« Люблю тебя, другъ сердца незабвенной,
« И не таюсь теперь моей любви. »
Рекла; въ очахъ блеснулъ огонь священной,
Невиданный у смертныхъ на земли,
И вдругъ, въ своемъ сіяньи утопая,
На синевѣ исчезла дѣва рая.

XXVII.

ПѢСНЬ ПОПУГАЯ.

Взгляни, взгляни, какъ роза разцвѣтаетъ,
Въ тиши родной стыдлива и нѣжна;
Чуть развернясь, себя полускрываетъ,
Прелестнѣй тѣмъ, чѣмъ менѣе видна.
Вотъ обнажась, во всей красѣ блистаетъ;
Вдругъ томная не та уже она:
Не тотъ цвѣтокъ, который пышно рдѣя,
Былъ юношамъ и дѣвамъ всѣхъ милѣе.

Навѣкъ, увы, навѣкъ отъ насъ умчится
Пролетнымъ днемъ цвѣтъ юности живой!
Зеленый май къ долинамъ возвратится —
Но ужъ для насъ не быть весны другой.

Срывай цвѣтокъ скорѣй пока не тмится
Межъ близкихъ тучь часъ утра золотой;
Спѣши любить въ тѣ дни невозвратимы,
Когда любя мы можемъ быть любимы!

XXVIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ ***

Когда надъ сонною рѣкой
Въ туманѣ мѣсяцъ красной всходитъ,
И путникъ робкою стопой
По сельскому кладбищу бродитъ,
И если тамъ случайно онъ
Знакомца камень повстрѣчаетъ;
То, въ думу тихо погружёнъ,
Бывалое воспоминаетъ.

Ахъ, такъ и ты, другъ милый мой,
Въ тотъ часъ, какъ грусть тебя коснется,
И взору полному тоской
Мое здѣсь имя попадется;

Ты мертвымъ ужъ считай меня!
Чѣмъ жизнь цвѣтетъ, мнѣ миновалось;
Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце *все* осталось.

XXIX.

НА ОТЪѢЗДЪ.

Когда и мракъ и сонъ въ поляхъ,
И ночь разлучитъ насъ;
Меня, мой другъ, невольный страхъ
Волнуетъ каждый разъ.

Я знаю: ночь пройдетъ одна,
Наутро мы съ тобой;
Но дума втайнѣ смущена
Тревожною тоской.

О, какъ же сердцу не грустить,
Какъ высказать печаль,
Когда отъ тѣхъ, съ кѣмъ мило жить,
Стремимся въ темну даль;

Когда, быть можетъ, увлечётъ
Невѣрная судьба
На цѣлый мѣсяцъ, цѣлый годъ,
Быть можетъ, навсегда!

XXX.

ОБВОРОЖЕНІЕ.

(Князю П. А. Вяземскому.)

Ночь. Манфредъ одинъ. Тѣнь, въ видѣ молодой прекрасной женщины, поетъ:

Когда луна сребритъ потокъ,
И червь, свѣтясь, въ травѣ трепещетъ,
И на кладбищѣ огонёкъ,
А влажный паръ въ болотахъ блещетъ;
Когда вой совъ тревожитъ лѣсъ,
И звѣзды падаютъ съ небесъ,
И вѣтерокъ, въ унылой тмѣ,
Межъ листьевъ дремлетъ на холмѣ:
Въ тотъ часъ и съ властью и съ клеймомъ
На сердцѣ лягу я твоёмъ.

Сонъ крѣпкій очи и сомкнетъ,
Но духъ твой смутный не уснетъ.
Есть тѣни — имъ не исчезать;
Есть думы — ихъ не отогнать.
Въ твоей написано судьбѣ,
Чтобъ одному не быть тебѣ;
Какъ бы одѣтъ въ туманъ густой,
Какъ обвитъ въ саванъ гробовой,
Ты будешь жить обвороженъ,
Безвѣстной власти покоренъ.

Хоть невидимкой буду я,
Твой взоръ почувствуетъ меня,
Какъ то, что прежнею порой
И было и опять съ тобой;
И въ тайномъ ужасѣ твоёмъ,
Когда посмотришь ты кругомъ,
Ты удивишься, что ужъ я
Пропала, какъ и тѣнь твоя:
И будешь ты отъ всѣхъ таить,
Подъ чьею властью долженъ жить.

Волшебнымъ словомъ ты клейменъ,
Въ купель проклятья погруженъ,
Эѳирный духъ тебя схватилъ,
Тебя онъ сѣтью окружилъ;
И голосъ есть у вѣтерка,
И вѣетъ съ нимъ къ тебѣ тоска;
Спокойной ночи тишина
Тебѣ въ отраду не дана;
А днемъ есть солнце надъ тобой,
Еще страшнѣе тмы ночной.

Изъ слезъ твоихъ мной извлеченъ
Сокъ страшный — смерть вливаетъ онъ;
Въ немъ та кровь черная твоя,
Что въ черномъ сердцѣ у тебя;
Съ улыбки сорвана твоей
Змѣя, клубящаяся въ ней;
И чары взяты съ устъ твоихъ:
Отрава вся таилась въ нихъ;
Теперь на дѣлѣ видно мнѣ,
Что ядъ сильнѣйшій былъ въ тебѣ.

За мрачный духъ твоихъ коварствъ,
За бездны тайныя лукавствъ,
За кротость ложную очей,
Змѣю-улыбку, ядъ рѣчей,
За даръ твой дивный убѣдить,
Что съ сердцемъ ты, что могъ любить;
За твой къ чужимъ страданьямъ хладъ,
За то, что Каину ты братъ,
Ты властью обреченъ моей
Носить твой адъ въ душѣ твоей.

Фіалъ въ рукахъ — уже я лью
Проклятье на главу твою;
И ты покоя не найдешь,
И не уснешь, и не умрешь,
И смерти будешь ты желать,
Страшась всечасно умирать;
Но вотъ ужъ ты обвороженъ,
Незвучной цѣпью окруженъ;
И сердцемъ и умомъ страдай;
Свершились чары. Увядай!

* *

XXXI.

КЪ А. А. ОЛЕНИНОЙ.

(При посылкѣ элегіи къ Тирзѣ.)

Любви и жизни на разцвѣтѣ,
Вся прелесть радости земной
Тебя плѣняетъ въ шумномъ свѣтѣ
Своею радужной мечтой.

И если звукъ волненій страстныхъ
И сердца горестный напѣвъ
Встревожитъ миръ долинъ прекрасныхъ
И нѣжный хоръ блестящихъ дѣвъ;

Не сѣтуй: но, услыша пѣнье
Разбитыхъ бурею пловцовъ,
Благослови уединенье
Твоихъ Пріютинскихъ лѣсовъ!

XXXII.

КЪ ТИРЗѢ.

(А. А. Олениной.)

Къ чему вамъ, струны, радость пѣть?
Звучите мнѣ тоской мятежной!
Какъ мнѣ веселое терпѣть?
Боюсь, не вѣрю пѣсни нѣжной.
Она любви пролетнымъ сномъ
Звучитъ обманутой надеждой.
Какъ вспомнить, думать мнѣ о томъ,
Что я теперь, и что былъ прежде?

Чей голосъ въ струны радость лилъ,
Той нѣтъ — и нѣтъ очарованья!
Одинъ напѣвъ теперь мнѣ милъ:
Надгробный стонъ и вопль страданья;

Въ немъ отзывъ нашихъ вмѣстѣ дней.
Съ тѣхъ поръ, какъ ты ужъ прахомъ спала,
Нестройство для души моей
То, въ чемъ гармонія бывала.

Все тихо; но и въ тишинѣ
Слухъ ловитъ пѣсни незабвенной:
Невольно слышенъ голосъ мнѣ,
Давно молчанью обреченный.
Смятенный духъ тревожитъ онъ:
Засну ли — соннаго плѣняетъ;
Тоска ль отгонитъ дивный сонъ —
Напѣвъ съ мечтой не улетаетъ.

Мечтою Тирзу навсегда
Любви оставила могила.
Въ волнахъ дрожавшая звѣзда
Блескъ нѣжный онъ земли склонила.
Но кто во мракѣ грозныхъ тучь
Проходитъ жизни путь ужасной;
Тотъ ищетъ все звѣзды прекрасной,
Ему бросавшей свѣтлый лучь.

XXXIII.

КЪ ТИРЗѢ.

Рѣшусь — пора освободиться
Отъ мрачной горести моей:
Вздохнушь въ послѣдній разъ, проститься
Съ любовью, съ памятью твоей.
Забопъ и свѣта я чуждался,
И не для нихъ былъ созданъ я;
Теперь же съ радостью разстался:
Какимъ бѣдамъ страшить меня?

Хочу пировъ, хочу похмѣлья;
Бездушнымъ въ свѣшѣ стану жить;
Со всѣми радъ дѣлить веселья,
Ни съ кѣмъ же горя не дѣлить.

То ль было прежнею порою!
Но счастье жизни отнято:
Здѣсь въ мірѣ брошенъ я тобою,
Ничто ужъ ты — и все ничто.

Улыбка горю лишь угроза;
Изъ-подъ нея печаль виднѣй:
Она какъ на гробницѣ роза.
Мученье сжатое сильнѣй.
Хоть межъ друзей, въ бесѣдѣ шумной,
Невольно чаша оживитъ;
Весельемъ вспыхнетъ духъ безумный,
Но сердце томное груститъ.

Взойдетъ, бывало, мѣсяцъ полный
Надъ кораблемъ въ тиши ночной;
Онъ серебритъ Эгейски волны —
А я, къ тебѣ стремясь душой,
Любилъ мечтать, что взоръ твой милой
Теперь плѣняетъ та жъ луна:
О Тирза, надъ твоей могилой
Тогда свѣтила ужъ она.

Въ часы безсонные недуга,
Какъ ядъ кипѣлъ, волнуя кровь;
«Нѣтъ, думалъ я, страданьемъ друга
«Ужъ не встревожится любовь!»
Ненужный даръ тому свобода,
Кто въ узахъ жертва дряхлыхъ лѣтъ.
Хоть воскреситъ меня природа,
Къ чему — тебя въ живыхъ ужъ нѣтъ!

Когда любовь и жизнь такъ новы,
Въ тѣ дни залогъ мнѣ данъ тобой:
Печали краской рокъ суровый
Мрачитъ его передо мной.
Навѣкъ той сердце охладѣло,
Кѣмъ было все оживлено;
Мое безъ смерти онѣмѣло,
Но чувства мукъ не лишено.

Залогъ любви, печали вѣчной,
Прижмись, прижмись къ груди моей:
Будь стражемъ вѣрности сердечной,
Иль сердце грустное убей!

Въ тоскѣ не гаснетъ жаръ мятежный,
Горитъ за сѣнью гробовой,
И къ мертвой пламень безнадежный
Святѣе, чѣмъ любовь къ живой.

XXXIV.

ФЕЯ МОРГАНА КЪ ОЛИВЬЕРУ.

Ужъ вечеръ былъ — я; въ теремъ поспѣшая,
Неслась одна эѳирною страной;
Тамъ плѣнница грустила молодая,
А другъ ея страдалъ въ землѣ чужой.
Тебя тогда близъ рощи я узрѣла,
И на лицѣ румянецъ запылалъ;
Забыла я, куда, зачѣмъ летѣла,
И ты одинъ сердечной думой сталъ.

Весны и розъ царевною воздушной
Предстала вдругъ предъ взоромъ я твоимъ;
Въ волненьи чувствъ, съ надеждой простодушной,
Сказала я: « о витязь, будь моимъ! »

Дала кольцо изъ радуги огнистой;
Спустилась ночь; таинственной луной
Осеребренъ кругомъ былъ лѣсъ тѣнистой:
И цѣлый міръ исчезъ для насъ съ тобой.

Ахъ, въ радостной обители Морганы,
Въ какихъ бы ты восторгахъ утопалъ!
О, сколько бъ разъ мой домъ прозрачнордяный
Эѳирныхъ игръ веселостью блисталъ!
Волшебныхъ арфъ при звонѣ сладкострунномъ,
Въ златыхъ лучахъ румяныя зари,
Являлись бы въ пространствѣ мы подлунномъ,
И таяли бъ и въ нѣгѣ и въ любви.

И въ часъ, когда, въ полуночномъ молчаньи,
Свой нѣжный свѣтъ льетъ мѣсяцъ молодой,
Слетали бъ мы, о другъ, въ его сіяньи
Къ томящимся любовною тоской;
Иль въ темну ночь, надъ бурными волнами,
Мелькали бъ мы въ блуждающихъ огняхъ;
Горѣли бы привѣтными звѣздами,
Раждая жизнь въ вспревоженныхъ пловцахъ.

Но праздностью твой пылкій духъ скучаетъ;
Прелестный другъ, скучаешь ты при мнѣ;
Вотъ шлемъ и мечь: со вздохомъ уступаетъ
Тебя любовь и славѣ и войнѣ.
Твоя вездѣ, въ тревоги боевыя
Помчусь и я подругою твоей;
Я брошуся на стрѣлы роковыя
И притуплю ихъ грудію моей.

XXXV.

СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Элегія.

Разспалась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарёю
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ, надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать;
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится... вѣрно мать!
И залилася я слезами.

Ахъ, мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ,
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.

Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ:
Скитаюся одна; вездѣ чужія лицы;
Слыву въ деревнѣ сиротой.
Подружки лѣтъ моихъ, окружныхъ селъ дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной;
Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой.
Украдкой пѣснямъ я приманчивымъ внимаю;
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору, какъ дѣтей
Отецъ благословя прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.

И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами:
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на нёмъ,
Быть можетъ, мать моя роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.

Одна между кустовъ, въ тѣни березъ густыхъ,
Гдѣ спятъ покойники подъ свѣжею травою,
Брожу я съ тягостной тоскою;
Мнѣ плакать не объ комъ изъ нихъ —
И между мертвыхъ и живыхъ
Вездѣ, вездѣ я сиротою.
Пятнадцать уже разъ весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ:
Цвѣтокъ безрадостный, она
Отъ непогоды увядаетъ.
Родная, гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобой?
Приди; я жду тебя все также сиротою —
И все на камнѣ томъ; и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

XXXVI.

РОМАНСЪ.

Есть тихая роща у быстрыхъ ключей:
И днемъ тамъ и ночью поетъ соловей;
Тамъ свѣтлыя воды привѣтно текутъ;
Тамъ алыя розы красуясь цвѣтутъ.
Въ ту пору, какъ младость манила мечтать,
Въ той рощѣ любила я часто гулять;
Любуясь цвѣтами подъ тѣнью густой,
Я слушала пѣсни, и млѣла душой.

Той рощи зеленой мнѣ вѣкъ не забыть;
Мѣста наслажденья, какъ васъ не любить!
Но съ лѣтомъ ужъ скоро и радость пройдетъ,
И душу невольно раздумье береть:

« Ахъ, въ рощѣ зеленой, у быстрыхъ ключей,
« Все такъ ли, какъ прежде, поетъ соловей?
« И алыя розы осенней порой
« Цвѣтутъ ли все такъ же надъ свѣтлой струёй?»

Нѣтъ: розы увяли, мутнѣе струя,
И въ рощѣ не слышно теперь соловья!
Когда же красуясь тамъ розы цвѣли;
Ихъ часто срывали, вѣнками плели.
Блескъ нѣжныхъ листочковъ хотя помраченъ,
Въ росѣ ароматной ихъ духъ сохраненъ,
И воздухъ свѣжится душистой росой;
Весна миновала — а вѣетъ весной.

Такъ памятью можно въ минувшемъ намъ жить,
И чувствъ упоенья въ душѣ сохранить;
Такъ вѣетъ отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возметъ:
Пусть младость увянетъ; но сердце цвѣтетъ,
И сладко мнѣ помнить, какъ пѣлъ соловей,
И розы, и рощу у быстрыхъ ключей.

**

XXXVII.

УТРО И ВЕЧЕРЪ.

Въ вѣнцѣ багровомъ солнце блещетъ,
Чуть свѣтитъ робкая луна,
Фіалка подъ росой трепещетъ,
И роза юная томна.
Стоитъ Людмила у окна,
Златые локоны небрежно
Вкругъ шеи вьются бѣлоснѣжной.
Я на колѣна въ тишинѣ
Упалъ. Она сказала мнѣ:
« Зачѣмъ такъ рано все уныло,
« Фіалка, и луна, и милой?

Но день промчался; небосклонъ
Горитъ вечернею зарёю,
И тихой, полною луною
Душистый лугъ осеребрёнъ.
Росой фіалка освѣжилась;
Людмила у окна явилась.
Еще пышнѣй ея нарядъ,
Еще свѣтлѣй веселый взглядъ;
И на колѣнахъ я предъ милой
Стою опять... стою унылой:
Грустилъ я раннею порой,
Грущу теперь во тмѣ ночной.

XXXVIII.

КЪ АЛЬПАМЪ.

Оплотъ неприступный гранитныхъ хребтовъ
Въ державномъ величьи съ рожденья вѣковъ,
Неровныя груды разбросанныхъ горъ,
Такъ дерзко подъ небомъ дивящія взоръ,
Пріюты морозовъ и снѣжныхъ громадъ,
Гдѣ буря грохочетъ, ревешъ водопадъ;
Крутыя стремнины, гдѣ Римскій орелъ
Дивился, какъ Смѣлый по безднамъ прошелъ,
Вершины ужасной священной красы,
Примите меня вы за лоно грозы,
Высоко, далеко, въ томъ мракѣ густомъ,
Гдѣ въ тайной бесѣдѣ душа съ Божествомъ!

XXXIX.

(Графинѣ З. И. Лепцельтернъ.)

Надъ темнымъ заливомъ, вдоль звучныхъ зыбей
Венеціи, моря царицы,
Пловецъ полуночный, въ гондолѣ своей,
Съ вечерней зари до денницы,
Рулемъ беззаботнымъ небрежно сѣчетъ
Лѣнивую влагу ночную,
Поетъ онъ Ринальда, Танкреда поетъ,
Поетъ Эрминію младую,

Поетъ онъ по сердцу, суетъ удаленъ,
Чужаго суда не страшится,
И, пѣсней любимой невольно плѣненъ,
Надъ бездною весело мчится.
И я люблю пѣть про себя, въ тишинѣ,
Безвѣстныя пѣсни мечтаю,
Пою, и какъ будто отраднѣе мнѣ,
Я горе мое забываю,
Какъ вѣтеръ ни гонитъ мой бѣдный челнокъ
Пучиною жизни мятежной,
Гдѣ я такъ уныло и такъ одинокъ
Скитаюсь во тмѣ безнадежной!...

XL.

МОЛОДАЯ УЗНИЦА.

Въ поляхъ блестящій серпъ зеленыхъ нивъ не жнетъ;
Янтарный виноградъ, въ ту пору, какъ цвѣтетъ,
Не долженъ хищныхъ рукъ бояться:
А я лишь начала красуясь разцвѣтать...
И пусть мнѣ суждено слезъ много проливать,
Я съ жизнью не хочу разстаться.

Смотри, мудрецъ, на смерть съ холодною душой:
Я плачу, и молюсь, и жду, чтобъ надо мной
Сквозь тучи звѣзды проглянули.
Есть дни ненастные, но красенъ Божій свѣтъ;
Не каждый сотъ душистъ; такаго моря нѣтъ,
Гдѣ бъ вѣтры бурные не дули.

Надежда свѣтлая и въ долѣ роковой
Тревожитъ грудь мою плѣнительной мечтой,
Какъ ни мрачна моя темница.
Такъ вдругъ, освободясь отъ пагубныхъ сѣтей,
Въ поля небесныя счастливѣе, быстрѣй
Летитъ дубравная пѣвица.

Мнѣ рано умирать: покой даритъ мнѣ ночь,
Покой приноситъ день, его не гонятъ прочь
Ни страхъ, ни совѣсти укоры.
И здѣсь у всѣхъ привѣтъ встрѣчаю я въ очахъ,
Улыбку милую на пасмурныхъ челахъ
Всегда мои встрѣчаютъ взоры.

Прекрасный дальный путь мнѣ предстоитъ:
И даль, въ которую невольно все манитъ,
Передо мной лишь развернулась;
На радостномъ пиру у жизни молодой
Устами жадными до чаши круговой
Я только, только что коснулась.

Я видѣла весну; хочу я испытать
Палящій лѣта зной, и съ солнцемъ довершать
Теченье жизни я желаю.
Лилея чистая, краса родныхъ полей,
Я только видѣла блескъ утренникъ огней;
Зари вечерней ожидаю.

О смерть, не тронь меня! Пусть въ мракѣ гробовомъ
Злодѣи блѣдные съ отчаяньемъ, стыдомъ,
Отъ бѣдствій думаютъ скрываться;
Меня жъ невинную ждетъ радость на земли,
И пѣсни нѣжныя, и поцѣлуй любви:
Я съ жизнью не хочу разстаться.

Такъ въ узахъ я слыхалъ, самъ смерти обреченъ,
Прелестной узницы и жалобы и стонъ,
И думы сердце волновали.
Я съ лирой соглашалъ печальный голосъ мой,
И стонъ и жалобы страдалицы младой
Невольно струны повторяли.

И лира сладкая, подруга тяжкихъ дней,
Быть можетъ, спрашивать объ узницѣ моей
Заставитъ пѣснію своею.
О, знайте жъ: радости плѣнительнѣй она,
И такъ же, какъ и ей, конечно смерть страшна
Тому, кто жизнь проводитъ съ нею.

XLI.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Безсоннаго солнце, въ туманѣ луна!
Горишь ты далеко, грустна и блѣдна.
При тускломъ мерцаньи мракъ ночи страшнѣй.
Такъ въ памяти радость утраченныхъ дней:
Минувшее блещетъ межъ горестныхъ тучь,
Но сердца не грѣетъ томительный лучь,
И радость былая, какъ ночью луна,
Видна, но далеко, ярка, но хладна.

XLII.

БЕЗУМНАЯ.

Романсъ.

Меня жестокіе бранятъ,
Меня безумной называютъ,
Спокойной, смирной быть велятъ,
Молиться Богу заставляютъ.
О, здѣсь, далеко отъ своихъ...
Покой бѣжитъ очей моихъ;
Въ чужой, угрюмой сторонѣ
Нѣтъ силъ молиться Богу мнѣ!

Но будь я тамъ, гдѣ Донъ родной
Шумитъ знакомыми волнами,
Гдѣ теремъ отческій, простой
Въ тѣни таится подъ дубами,

Тамъ стану я покоя ждать,
Тамъ стану Бога умолять,
Чтобъ, сжалясь надъ тоской моей,
Онъ мнѣ конецъ послалъ скорѣй.

О, какъ мнѣ бѣдной не тужить!
Ты, радость, и меня манила;
И я сбиралась въ свѣтѣ жить,
Была мила ему, любила,
И въ церковь Божью вся въ цвѣтахъ
Пошла съ румянцомъ на щекахъ;
И помню то, что съ женихомъ
И я стояла подъ вѣнцомъ:

Но гибнетъ радость навсегда;
Къ бѣдѣ, къ слезамъ я пробудилась,
И ясная любви звѣзда
Въ кровавомъ облакѣ затмилась.
Сокрылся мой привѣтный свѣтъ,
Его ищу — его ужъ нѣтъ!
Ахъ, улетая, ангелъ мой,
Что не взялъ ты меня съ собой!

XLIII.

ПЛѢННЫЙ ГРЕКЪ ВЪ ТЕМНИЦѢ.

Родина святая,
Край прелестный мой!
Все тобой мечтая,
Рвусь къ тебѣ душой.
Но, увы, въ неволѣ
Держатъ здѣсь меня,
И на ратномъ полѣ
Не сражаюсь я!

День и ночь терзался
Я судьбой твоей;
Въ сердцѣ отдавался
Звукъ твоихъ цѣпей.

Можно ль однороднымъ
Братьевъ позабыть?
Ахъ, иль быть свободнымъ,
Иль совсѣмъ не быть!

И съ друзьями смѣло
Гибельной грозой
За свящшое дѣло
Мы помчались въ бой.
Но, увы, въ неволѣ
Держатъ здѣсь меня,
И на ратномъ полѣ
Не сражаюсь я!

И въ плѣну не знаю,
Какъ война горитъ;
Вѣсти ожидаю —
Мимо вѣсть летитъ.
Слухъ убійствъ несется,
Страшной мести слѣдъ;
Кровь родная льется,
А меня тамъ нѣтъ!

Ахъ, средь бури зрѣетъ
Плодъ, свобода, твой!
День твой ясный рдѣетъ
Пламенной зарёй!
Узникъ неизвѣстный,
Пусть страдаю я —
Лишь бы, край прелестный,
Вольнымъ знать тебя!

XLIV.

БЕЗСОННИЦА.

Въ часы отрадной тишины
Не знаютъ сна печальны очи,
И призракъ милой старины
Тѣснится въ грудь со мракомъ ночи.

И живо въ памяти моей
Веселье, слезы юныхъ дней,
Вся прелесть, ложь любовныхъ сновъ,
И тайныхъ встрѣчь и нѣжныхъ словъ,
И тѣ красы, которыхъ цвѣтъ
Убитъ грозой — и здѣсь ужь нѣтъ!
И сколько радостныхъ сердецъ
Блаженству видѣли конецъ!

* *

Такъ прежнее ночной порою
Мою волнуетъ грудь,
И думы, сжатыя тоскою,
Мѣшаютъ мнѣ уснуть.

Смотрю ли въ даль: однѣ печали;
Смотрю ль кругомъ: моихъ друзей
Какъ желтый листъ осеннихъ дней
Мятели бурныя умчали.

Мнѣ мнится: съ пасмурнымъ челомъ
Хожу въ покоѣ я пустомъ,
Въ которомъ прежде я бывалъ,
Гдѣ я веселый пировалъ;
Но ужъ огни погашены,
Гирлянды сняты со стѣны,
Давно разъѣхались друзья,
И въ немъ одинъ остался я.

И прежнее ночной порою
Мою волнуешь грудь,
И думы, сжатыя тоскою,
Мѣшаютъ мнѣ уснуть.

XLV.

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Когда пробьетъ печальный часъ
Полночной тишины,
И звѣзды трепетно горятъ:
Туманъ кругомъ луны;

Тогда, задумчивъ и одинъ,
Спѣшу я къ рощѣ той,
Гдѣ, милый другъ, бывало, мы
Бродили въ тмѣ ночной.

О, если въ тайной долѣ ихъ
Возможность есть душамъ
Слетать изъ-за далекихъ звѣздъ
Къ тоскующимъ друзьямъ,

Къ знакомой рощѣ ты слетишь
Въ полночной тишинѣ,
И дашь мнѣ вѣсть, что въ небесахъ
Ты помнишь обо мнѣ!

И, думой сердца увлеченъ,
Ту пѣсню я пою,
Которой, другъ, плѣняла ты
Мечтательность мою.

Унылый голосъ вѣтерокъ
Разноситъ въ чуткой тмѣ,
Въ полянѣ вѣетъ и назадъ
Несетъ его ко мнѣ.

А я... я вѣрю... томный звукъ
Отъ родины святой
На пѣснь любимую отвѣтъ
Души твоей младой.

XLVI.

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Лучь ясный играетъ на свѣтлыхъ водахъ,
Но тма подъ сіяньемъ и холодъ въ волнахъ;
Младыя ланиты румянцемъ горятъ,
Но черныя думы духъ юный мрачатъ.

Есть думы о прежнемъ: ихъ ядъ роковой
Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;
Ничто не утѣшитъ, ничто не страшитъ,
Не радуетъ радость, печаль не крушитъ.

На срубленной вѣткѣ такъ вянетъ листокъ:
Напрасно въ дубравѣ шумитъ вѣтерокъ,
И красное солнце льетъ радостный свѣтъ;
Листокъ зеленѣетъ, а жизни въ немъ нѣтъ!

XLVII.

МОЛОДОЙ ПѢВЕЦЪ.

Ирландская Мелодія.

На брань летитъ младой пѣвецъ;
Дней мирныхъ бросилъ сладость;
Съ нимъ мечь отцовскій — кладенецъ,
Съ нимъ арфа — жизни радость.
« О пѣснѣй звонкихъ край родной,
« Отцовъ земля святая,
« Вотъ въ дань тебѣ мечь острый мой,
« Вотъ арфа золотая!

Пѣвецъ палъ жертвой грозныхъ сѣчь;
Но, вѣкъ кончая юный,
Бросаетъ въ волны острый мечь,
И звонкія рветъ струны.
« Любовь, свободу, край родной,
« О струны, пѣлъ я съ вами;
« Теперь какъ пѣть въ странѣ вамъ той,
« Гдѣ рабъ звучитъ цѣпями?

XLVII.

ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ.

(Т. С. Вдмрв—ой.)

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ навѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унывный надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. Къ морю (Изъ Байрона)..... 5
II. Разореніе Рима и распространеніе Христіанства..... 9
III. Къ Свѣтланѣ..... 12
IV. П. Ѳ. Балк—Полеву..... 16
V. Ночь въ замкѣ Лары (Изъ Байрона) 18
VI. Кіевъ..... 24
VII. На погребеніе Англійскаго Генерала Джона Мура..... 27
VIII. Венеціанская ночь,..... 30
IX. Плачь Ярославны 36
X. При гробницѣ Цециліи М. (Изъ Байрона)..... 40
XI. Къ Италіи..... 42
XII. Португальская пѣсня (Изъ Байрона). 46
XIII. Къ Н. И. Гнѣдичу..... 47
XIV. Стансы..... 52
XV. Къ Радости..... 54
XVI. (Подражаніе Байрону)..... 57
XVII. Княгинѣ З. А. Волконской..... 58
XVIII. Сонъ Невѣсты..... 61
XIX. Разбойникъ (Изъ В. Скотта)..... 65
XX. Ночной ѣздокъ..... 71
XXI. Сонетъ Святой Терезы..... 73
XXII. Добрая ночь (Изъ Байрона)..... 75
XXIII. Сонъ Ратника..... 80
XXIV. Къ Княгинѣ М. А. Голицыной..... 83
XXV. Княжнѣ С. Д. Радзивиль..... 86
XXVI. Явленіе Клоринды Танкреду (Изъ Тасса) 88

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

XXVII. Пѣснь попугая (Подражаніе Тассу).... 90
XXVIII. Въ Альбомъ*** 92
XXIX. На отъѣздъ..... 94
XXX. Обвороженіе (Изъ Байрона)..... 96
XXXI. Къ А. А. Олениной..... 100
XXXII. Къ Тирзѣ (Подражаніе Байрону).... 102
XXXIII. Къ Тирзѣ (Подражаніе Байрону)..... 104
XXXIV. Фея Моргана къ Оливьеру (Изъ Мильвуа)..... 108
XXXV. Сельская сиротка (Подражаніе Суме). 111
XXXVI. Романсъ (Изъ Мура)..... 114
XXXVII. Утро и вечеръ (Подражаніе Мицкевичу)..... 116
XXXVIII. Къ Альпамъ (Подражаніе Дюсису).... 118
XXXIX. (Подражаніе А. Шенье)..... 119
XL. Молодая Узница (Изъ А. Шенье)..... 121
XLI. Еврейская Мелодія (Изъ Байрона)... 125
XLII. Безумная..... 126
XLIII. Плѣнный Грекъ въ темницѣ..... .. 128
XLIV. Безсонница (Подражаніе Муру)..... 131
XLV. Ирландская Мелодія (Подражаніе Муру) 134
XLVI. Ирландская Мелодія (Изъ Мура)..... 137
XLVII. Молодой Пѣвецъ (Изъ Мура)..... 139
XLVIII. Вечерній Звонъ..... 141

W 43

THE LIBRARY OF CONGRESS

Deacidified using the Bookkeeper pr
Neutralizing agent: Magnesium Oxid
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnolo
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERV
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Jan Feb 1989
We're Quality Bound